

Инна Румянцева

**Гравюра на
кости. Трилогия**

Инна Румянцева

Гравюра на кости. Трилогия

«Автор»

2026

Румянцева И.

Гравюра на кости. Трилогия / И. Румянцева — «Автор», 2026

Она — лучший профайлер, которая понимает монстров лучше, чем людей. Он — хирург, который считает, что срезает маски, чтобы явить миру истинную красоту. Их встреча — начало смертельной игры. Эва Ветрова знает: чтобы поймать хищника, нужно думать как хищник. Но когда в Москве появляется маньяк, оставляющий на телах жертв каллиграфические послания, она понимает, что этот — другой. Он не прячется. Он приглашает её в свою игру. Он хочет, чтобы она нашла его. Потому что все его жертвы — лишь эскизы. А главная картина — она сама. Она должна заглянуть в бездну его сознания, чтобы остановить его. Но чем глубже она погружается, тем тоньше становится грань между охотником и добычей. И самое страшное открытие: внутри неё живёт точно такой же хищник. Почему стоит прочитать: Для поклонников сериала «Метод», романов о профайлерах и мрачных психологических триллеров с глубокой проработкой персонажей. История о том, что иногда, чтобы победить монстра, нужно признать его в себе.

© Румянцева И., 2026

© Автор, 2026

Инна Румянцева

Гравюра на кости. Трилогия

АННОТАЦИЯ

Она мыслит как убийца. Он ждал её всю жизнь.

Эва Ветрова — ведущий профайлер Следственного комитета, женщина, которую коллеги за глаза называют Ведьмой. Она понимает серийных убийц лучше, чем обычных людей, и носит внутри тьму, которую научилась мастерски скрывать.

Когда в Москве появляется маньяк, срезающий лица с молодых женщин и оставляющий на их телах каллиграфические послания, Эва понимает: этот — другой. Не зверь. Художник. Философ. Тот, кто видит бездну так же ясно, как она.

Убийца выходит на неё лично. Он не прячется. Он хочет, чтобы она нашла его. Потому что все его жертвы — лишь эскизы. А главная картина — она сама.

Чем глубже Эва погружается в его сознание, тем тоньше становится грань между охотником и добычей. И тем сильнее её затягивает в зеркальный лабиринт, где единственный выход — признать, что внутри неё живёт такой же хищник.

Мрачный психологический триллер о природе зла, о хрупкости грани между охотником и жертвой и о любви, которая не лечит, а обнажает.

СИНОПСИС

Москва, наши дни. Эва Ветрова, 32 года, — лучший профайлер Следственного комитета. Она замкнута, курит, пьёт литрами чёрный кофе и обладает уникальной способностью «входить» в сознание убийц. Коллеги её боятся. Друзей у неё нет. В городе находят тела молодых женщин со срезанными лицами. Все жертвы — брюнетки с серыми глазами и острыми скулами. Все убиты без боли, во сне. На груди каждой — надпись: «Скоро ты проснешься».

Убийца выходит на связь. В письме, подброшенном в её кабинет, он подписывается как «Мастер» и намекает, что он — человек из ближайшего окружения Эвы. В кофейне «Тени» она встречает его лично. Влад — блестящий клинический психолог, консультант, приглашённый Следственным комитетом для составления психологического портрета убийцы. Он предлагает Эве не противостояние. Он предлагает ей правду: «Мы с тобой — две особи одного вида».

Когда Влад убивает её бывшего научного руководителя — человека, разрушившего её карьеру, — Эва оказывается перед выбором: предать его или признать, что он прав. Она находит его логово — подвал, заставленный сотнями её портретов. В финальном диалоге она использует его же оружие: понимание. Она не стреляет. Она говорит с ним так, как никто никогда не говорил. И заставляет его сдаться добровольно.

Эпилог. Эва возглавляет отдел. Влад отбывает пожизненное. Они переписываются. Но новое тело с тем же почерком заставляет её задать вопрос: подражатель? Или ученик? Или Влад действовал не один?

ТЕМА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Двойственность человеческой природы; тонкая грань между охотником и жертвой, между тьмой и светом внутри одной души. О том, что иногда, чтобы поймать монстра, нужно признать монстра внутри себя. О любви как зеркале, показывающем истинную суть. О выборе, который делает человек, стоящий у последней черты.

ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЕВ

Эва Ветрова, 32 года

Бледная, худая, с острыми скулами и пепельно-серыми глазами. Волосы тёмные, почти чёрные, всегда небрежно заколоты хирургическим зажимом. Одевается в чёрное и серое. Голос низкий, с хрипотцой. Улыбается редко — а когда улыбается, людям становится не по себе. Гениальный профайлер. Интроверт. Курит, пьёт чёрный кофе, спит четыре часа. Отец — полковник милиции — учил её стрелять с восьми лет. Мать умерла от передозировки снотворного, когда Эве было четырнадцать. Девочка нашла тело. С тех пор она не плакала.

Влад, 39 лет (фамилия раскрывается в финале — Райхерт)

Высокий, подтянутый мужчина с породистым лицом. Очки в тонкой оправе, аккуратная борода с проседью. Одевается дорого и сдержанно. Пахнет кедром и чем-то сладким. Интеллектуал, эстет. Говорит мягко, почти завораживающе. Искренне считает, что не убивает — «освобождает». Мать — известная телеведущая, нарциссическая и холодная. В детстве запирала сына в тёмной комнате и называла «некрасивым». Искал ту, которая поймёт. Нашёл Эву.

Виктор Седов, 45 лет — начальник отдела

Грузный, уставший мужчина с язвой желудка и обострённым чувством справедливости. Единственный, кто видит в Эве живого человека, а не машину для раскрытия преступлений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ. Там, где кончается кожа

ЧАСТЬ I. КОЛЛЕКЦИОНЕР

- Глава 1. Спящая в бетоне
- Глава 2. Стеклоянная женщина
- Глава 3. Каллиграфия
- Глава 4. Урок анатомии
- Глава 5. Конверт без марок

ЧАСТЬ II. ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ

- Глава 6. Кофейня «Тени»
- Глава 7. Консультант
- Глава 8. Философия среза
- Глава 9. Подарок
- Глава 10. Чужие сны

ЧАСТЬ III. ХИРУРГИЯ ТЬМЫ

- Глава 11. Карта сознания
- Глава 12. Склеп на Пречистенке

- Глава 13. Исповедь
- Глава 14. Точка
- Глава 15. Клетка

ЭПИЛОГ. Тень и пламя

ПРОЛОГ. Там, где кончается кожа

«Я знаю его не по уликам. Я знаю его по снам. Каждую ночь я просыпаюсь с его мыслью в голове — незаконченной, как лезвие скальпеля в миллиметре от кожи. И самое страшное: эта мысль не вызывает у меня отвращения».

— Из личного дневника Эвы Ветровой

Скальпель в её руке весил ровно столько, сколько весит человеческая жизнь. Эва Ветрова крутила его в пальцах — холодный металл, хирургическая сталь, безупречная заточка — и смотрела на тело. Не на скальпель. Скальпель она взяла со стола криминалиста, просто чтобы занять руки. Чтобы не закурить. Чтобы не закричать.

Она никогда не кричала.

— Ветрова, положи инструмент, — буркнул кто-то рядом, кажется, эксперт-криминалист Громов. — Это вещдок.

— Уже нет, — она вернула скальпель на поднос. — Отпечатков вы на нём всё равно не найдёте.

Ноябрьская Москва задыхалась за стенами склада. В Химках пахло бетонной пылью, сыростью и кровью — сладковатый, медовый аромат, который Эва узнала бы из тысячи. Так пахнет только свежая смерть. И эфир. Едва уловимо, но она чувствовала и его — медицинский, тошнотворный запах, от которого першило в горле.

Женщина на полу лежала на боку, свернувшись, как ребёнок во чреве матери. Поза эмбриона, но перевёрнутая. Руки сложены под щекой — жест, полный такой безмятежности, что на секунду можно было представить: она просто спит. Если не смотреть выше подбородка. А выше подбородка была кровавая маска — ровная, алая, будто лицо сняли одним движением, как чулок.

— Третья за месяц, — голос Седова раздался за спиной.

Эва не обернулась.

— Четвёртая. Первую ты пропустил, списал на бытовуху.

— Четвёртая, — согласился он. — Почерк тот же.

— Поза «спящей»?

— Да. И лица нет. Срезал. Хирургически. На груди — надпись: «Скоро ты проснешься».

Эва присела на корточки. Склад был заброшенным, пол — голый бетон, стены в граффити. Но место, где лежало тело, было чистым. Почти стерильным. Убийца позаботился об этом. Он не бросил её на грязный пол. Он постелил что-то — ткань? простыню? — а потом убрал.

Он заботится о них, — подумала Эва. — Как о пациентах.

— Медицинское образование, — произнесла она вслух. — Хирург или анестезиолог. У него доступ к эфиру. Он усыпляет их, а потом работает. Медленно. Аккуратно. Не меньше двух часов на каждую.

— Откуда ты знаешь про два часа? — спросил Громов.

— По надрезу. Видишь? — она указала на край раны, не прикасаясь. — Кожа снята слоями. Чтобы так работать, нужно время. И спокойствие. Он не торопится. Он наслаждается.

— Час от часу не легче, — пробормотал Громов и отошёл.

Эва закрыла глаза. И вошла в его голову.

...Запах эфира. Ты склоняешься над ней, поправляешь прядь волос — тёмных, почти чёрных. Твои пальцы в латексных перчатках, но ты всё равно чувствуешь тепло её кожи. Она спит. Дышит ровно, глубоко. Ты не хочешь, чтобы она проснулась. Не от страха, что закричит. От нежелания причинять боль.

Ты начинаешь резать. Скальпель идёт ровно, по линии, которую ты наметил заранее. Кожа отделяется легко — ты знаешь анатомию, ты делал это сотни раз. Не на живых. На трупах в анатомичке. На лицах, которые тебе не принадлежали.

— Скоро ты проснешься, — шепчешь ты ей. — Скоро ты станешь собой.

И продолжаешь резать...

Эва распахнула глаза. Её слегка покачнуло.

— Ветрова? — Седов подхватил её за локоть.

— Я в порядке.

— Ты белая как этот бетон. Сделай перерыв.

— Нет времени на перерыв, — она высвободила руку. — Он убьёт снова. Через неделю. Может, раньше.

— Откуда ты знаешь?

Эва посмотрела ему в глаза.

— Потому что я чувствую его, Виктор. Он голоден. И его голод растёт.

Она пошла к выходу, на ходу доставая сигарету. В кармане завибрировал телефон. Она глянула на экран. Сообщение с незнакомого номера. Вложение — фотография.

Эва открыла его.

И замерла.

На фотографии была она. Только что, на этом самом складе. Снято со спины, через открытую дверь. Чья-то рука держала телефон, и эта рука была в латексной перчатке.

Под фотографией — подпись:

«Ты чувствуешь меня, Эва. Я тоже тебя чувствую. Продолжай».

Она резко обернулась. Склад, полицейские, жёлтая лента. Никого постороннего.

Он был здесь. Смотрел на неё. И ушёл незамеченным.

Эва закурила и выпустила дым в ночное небо.

— Игра началась, — сказала она тихо. — Твоя или моя — посмотрим.

ЧАСТЬ I. КОЛЛЕКЦИОНЕР

Глава 1. Спящая в бетоне

Три дня спустя. 3:47 утра.

Кабинет Эвы тонул в полумраке. Единственная лампа горела над столом, выхватывая из темноты разложенные веером фотографии. Четыре женщины. Четыре брюнетки с серыми глазами и острыми скулами. Четыре «спящие красавицы» без лиц.

Эва сидела, поджав ноги, и курила. Пепельница была полна окурков. Четвёртая кружка с кофе давно остыла.

На столе, перед фотографиями, лежала флешка. Та самая, которую курьер принёс утром. Без обратного адреса. Только имя на конверте — «Эве Ветровой» — выведенное каллиграфическим почерком.

Она вставила флешку в ноутбук уже три часа назад. И с тех пор не могла заставить себя нажать на воспроизведение.

— Ну давай, Ветрова, — сказала она вслух. — Чего ты боишься?

И нажала.

Из динамиков полился голос. Мягкий, низкий, с лёгкой хрипотцой. Он не был злым. Он был... убаюкивающим.

«...Ты устала. Я знаю. Ты работаешь на трёх работах, тянешь сына одна, твоя мать болеет, и никто не говорит тебе спасибо. Никто не видит тебя. А я вижу. Ты красива, Майя. Твоё лицо — оно прекрасно. Но это не твоё лицо. Это маска, которую тебе дали. Родители, школа, бывший муж. Ты не выбирала её. Я помогу тебе снять её. Ты уснёшь. А когда проснёшься — станешь собой. Настоящей. Я обещаю...»

Голос продолжал звучать. Эва слушала, не в силах остановить запись. Он говорил с Майей — третьей жертвой — почти полчаса. Рассказывал ей сказку. «Спящую красавицу». Свою версию — где принц не целует принцессу, а снимает с неё проклятие, срезая кожу, под которой скрывалась истинная красота.

Когда запись закончилась, Эва обнаружила, что её пальцы дрожат.

— Он не насилует их, — прошептала она. — Он не пытается. Он... утешает.

Она перемотала запись на середину и вслушалась в интонации. Мягкие, почти нежные. Где-то на заднем плане — тихая музыка. Шопен. Ноктюрн ми-бемоль мажор.

— Эстет. Перфекционист. Нарцисс, — она затушила сигарету. — Он не просто убивает. Он творит. Как художник. Как хирург на операции, которая длится часами.

В дверь постучали. Вошёл Седов с двумя стаканчиками кофе — из ночной кофейни на первом этаже.

— Ты опять не спишь.

— Захожу в роль, — она кивнула на ноутбук. — Послушай.

Седов прослушал три минуты. Потом поставил стаканчик и потёр переносицу.

— Это он?

— Да. Прислал сегодня. Без обратного адреса, без отпечатков. Голос изменён, но я узнаю интонации.

— И что думаешь?

— Думаю, он врач, — Эва встала и подошла к доске, где висели фотографии. — Смотри. Алина — администратор салона красоты. Карина — арт-директор. Майя — бывшая модель. Четвёртую мы ещё не опознали. У всех — тёмные волосы, серые глаза, острые скулы. Все стройные, ухоженные. Все — типаж «femme fatale». И все, — она сделала паузу, — похожи на меня.

— Совпадение?

— Нет, — Эва повернулась. — Он ищет меня. Точнее, женщину моего типа. И пока не находит — убивает других. Как художник делает эскизы перед главной работой.

В кабинете повисла тишина. Седов отхлебнул кофе.

— Значит, ты в безопасности, пока он тебя не нашёл?

— Наоборот. Он уже нашёл меня. Он прислал мне записку. Он знает, где я работаю. Он был на складе, — она показала ему фотографию на телефоне. — Он играет со мной, Виктор. И я должна играть в ответ.

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю поймать его на живца, — Эва закурила новую сигарету. — На меня.

— Ты сошла с ума!

— Возможно. Но это единственный способ.

Она не сказала ему, что уже приняла решение. И что флешка была не единственным, что лежало в конверте. Там ещё была записка. Всего три слова:

«Ты готова, Эва?»

Она написала ответ на том же листке, каллиграфическим почерком — подражая его стилю, её рука не дрожала:

«Я готова. А ты?»

И отправила курьером по обратному адресу, который — она проверила — принадлежал заброшенному особняку на Пречистенке.

Игра началась по-настоящему.

Глава 2. Стеклянная женщина

Детство пахнет порохом и лауданумом.

Эва шла по ночной Москве, и запах из аптеки — горький, медицинский — ударил в нос, как выстрел. Она замерла на секунду. Лауданум. Так пахло в спальне матери.

Не сейчас, — сказала она себе. — Не сейчас.

Но воспоминания уже накатили.

Ей восемь. Отец ведёт её в тир. Не на аттракционы, не в парк — в ведомственный тир, где пахнет смазкой и страхом. Пистолет слишком тяжёлый, но отец стоит сзади, держит её руки своими, помогает прицелиться.

— Мир — это джунгли, девочка. Либо ты хищник, либо добыча. Выбирай.

— Я хищник, — отвечает она, и голос не дрожит.

— Тогда стреляй.

Она нажимает на курок. Грохот. Отдача бьёт в плечо. Но она попадает. В десятку. И отец — суровый, вечно недовольный полковник Ветров — улыбается.

Первая улыбка. Первая похвала.

Я стану твоим оружием, папа. Самым точным.

Ей десять. Мать не встаёт с постели. На тумбочке — пузырёк с лауданумом. Эва сидит рядом и читает ей вслух. Мать смотрит в стену.

— Мам, посмотри на меня.

Молчание.

— Мам, пожалуйста.

— Ты похожа на отца, — говорит мать, не поворачивая головы. — Такая же сильная. Такая же холодная.

— Я не холодная, мам.

— Будешь. Он сделает из тебя оружие.

Ей четырнадцать. Она возвращается из школы. В квартире тихо. Слишком тихо. Мать лежит на кровати в позе спящей — на боку, руки под щекой. На тумбочке — пустой пузырёк.

Эва не кричит. Не плачет. Она подходит, щупает пульс — его нет. Потом садится на пол и сидит два часа, пока не возвращается отец.

— Твоя мать была слабой, — говорит он. — А слабые не выживают. Запомни это.

Она запоминает.

Эва тряхнула головой, прогоняя воспоминания. Подъезд её дома встретил холодом и тишиной. Она поднялась на третий этаж, открыла дверь, зажгла свет.

И замерла.

На кухонном столе стояла чашка с ещё горячим чаем. Ромашковый. От чашки поднимался пар.

Рядом — записка. Каллиграфический почерк.

«Ты плохо спишь. Попробуй ромашковый. Помогает. Я пью его каждый вечер перед работой».

Эва схватила пистолет, проверила квартиру — никого. Окна закрыты. Дверь не взломана.

Он был здесь. Не чтобы навредить. Чтобы позаботиться.

Она села за стол, взяла чашку и сделала глоток. Чай был вкусный.

— Чёрт, — прошептала она. — Чёрт.

И улыбнулась. Впервые за много дней.

Глава 3. Каллиграфия

Четвёртое тело нашли в элитном жилом комплексе на Патриарших. Женщина, около тридцати, тёмные волосы, серые глаза. На груди — надпись: «Скоро ты проснешься». И ниже, мелким шрифтом, приписка: «Эва, ты идёшь верно».

Эва стояла над телом и чувствовала, как по спине бежит холодок. Не от страха. От азарта.

— Он разговаривает с тобой, — сказал Седов.

— Я знаю.

— Это значит, он следит за расследованием. Может, он в наших рядах.

— Я знаю.

— Эва, посмотри на меня.

Она повернулась.

— Ты знаешь, кто он.

Это был не вопрос.

— Пока нет, — ответила она. — Но узнаю. Скоро.

Седов хотел что-то сказать, но в этот момент к ним подошёл графолог — пожилой мужчина в очках с толстыми линзами.

— Мисс Ветрова, я изучил надпись, — он протянул ей заключение. — Это не мужской почерк.

— Что?

— Формально — да, имитация мужского. Но угол наклона, нажим, соединение букв — так пишут женщины, которые хотят выглядеть жёстче. Или мужчины, которых воспитывала очень властная мать.

Эва переглянулась с Седовым.

— Спасибо, — сказала она. — Это важно.

Когда графолог ушёл, она тихо добавила:

— Мать-актриса. Или телеведущая. Властная, нарциссическая. Он научился у неё.

— О чём ты?

— О том, что он не просто убивает женщин. Он убивает её. Свою мать. Каждый раз. А я... я просто похожа на неё.

Она достала телефон и открыла фото. На нём была мать Влада — известная телеведущая начала нулевых. Тёмные волосы, серые глаза, острые скулы. Та же порода.

— Виктор, — сказала Эва, и голос её дрогнул впервые за долгое время. — Я знаю, кто он. И я знаю, как его остановить.

Глава 4. Урок анатомии

Десять лет назад. Кафедра криминальной психологии.

Аудитория была забита. Профессор Шорин — седой, с перочинным ножом в руке — стоял у доски. Он всегда держал в руках что-то острое: нож, скальпель, заточенный карандаш. Во время лекций он чистил яблоко одним длинным движением, не разрывая кожуру. Это завораживало.

— Серийный убийца, — говорил он, нарезая яблоко тонкими дольками, — это не диагноз. Это образ жизни. Это способ взаимодействия с миром. Большинство из вас никогда не поймёт их мотивацию, потому что вы мыслите категориями жертвы. А жертва никогда не поймёт хищника.

Эва сидела на первом ряду. Ей было двадцать два. Она уже два года подрабатывала в морге и знала о смерти больше, чем все присутствующие вместе взятые.

— Ветрова, — Шорин заметил её взгляд. — Вы не согласны?

— Согласна, профессор. Чтобы понять убийцу, нужно думать как убийца.

— И вы умеете?

— Да.

По аудитории пробежал смехок. Шорин не смеялся.

— Тогда расскажите нам, — он подошёл к ней вплотную и положил перед ней яблоко и нож. — Что чувствует убийца, когда перерезает горло своей жертве? Не описывайте. Покажите.

Эва взяла нож. Провела лезвием по яблоку — медленно, с нажимом, ровно по центру.

— Он чувствует власть, — сказала она тихо. — Но не ту, что показывают в кино. Не ярость. Не триумф. Это спокойная, холодная власть. Как у хирурга, который знает: жизнь пациента — в его руках. Только хирург хочет спасти. А убийца хочет... остановить. Момент, когда человек перестаёт быть. Эта граница заворачивает. Как кромка между сном и явью. Как последний выдох.

В аудитории стояла мёртвая тишина.

Шорин смотрел на неё долго. Потом сказал:

— Оставайтесь после лекции.

Когда все вышли, он взял у неё нож и разрезанное яблоко.

— Вы опасны, Ветрова. Вы не просто понимаете их. Вы — одна из них.

— Я никогда никого не убивала.

— Пока. — Он откусил от яблока. — Но вы захотите. Однажды вы захотите. И когда это случится, я надеюсь, меня не будет рядом.

Через месяц Эва получила характеристику: «Склонна к эмпатии с криминальными элементами. Нестабильна. Опасна. Рекомендовано отчисление».

Отчисление не состоялось благодаря связям отца. Но Шорин сломал ей жизнь.

Наши дни.

Эва стояла над телом Шорина в его элитной квартире на Остоженке. Лицо отсутствовало. На груди — надпись: «Он тебя недостойн. Это мой подарок тебе, Эва».

Рядом с телом лежала старая, склеенная зачётка. Та самая, которую Шорин когда-то порвал. Влад восстановил её и положил как подношение.

Эва опустилась на колени. Седов подумал, что она молится. Но она шептала другое:

— Ты был прав, профессор. Я опасна. Но я опасна не для всех. Только для таких, как ты. И как он. Я — оружие. И ты научил меня этому. Спасибо.

Она поднялась с колен. В её глазах не было ни ужаса, ни отвращения.

Была благодарность.

— Я знаю, кто он, — сказала она Седову. — И я остановлю его. Но по-своему.

Глава 5. Конверт без марок

Конверт лежал под дверью её кабинета. Белый, без марок, без адреса — только имя, выведенное каллиграфическим почерком. Внутри — записка и билет в театр.

Записка:

«Здравствуй, Эва.

Ты меня почти нашла. Ты чувствуешь меня. Ты идёшь верно. Но остался последний шаг.

Сегодня, 19:00. Театр имени Вахтангова. «Макбет». Ряд 5, место 13. Приходи одна.

После спектакля я приглашаю тебя на кофе. Ты знаешь место.

Твой Мастер»

Билет был настоящий. Премьера. Место в партере.

Эва позвонила Седову.

— Не хочешь сходить в театр?

— Ты с ума сошла? Какая премьера, у нас пятый труп!

— Это приглашение от него.

Тишина в трубке.

— Я еду с группой захвата.

— Нет. Он убьёт ещё кого-нибудь, если почувствует слежку. Я пойду одна.

— Эва...

— Виктор, — она сказала это мягко, почти нежно. — Доверься мне. Пожалуйста.

Тишина. Потом:

— Хорошо. Но если через три часа ты не выйдешь на связь, я поднимаю на уши весь город.

— Договорились.

Театр сиял огнями. Дамы в вечерних платьях, мужчины в смокингах. Эва в своём чёрном брючном костюме смотрелась среди них как ворона среди павлинов. Она заняла своё место — ряд 5, место 13. Рядом — пустое кресло. Место 14.

Спектакль начался. На сцене — пустошь, три ведьмы, пророчество. Макбет, ещё не убийца, ещё просто воин.

«Иль это кинжал, что я вижу перед собой?» — актёр произнёс знаменитую фразу.

И в этот момент кто-то сел рядом. Она не повернула головы — не нужно. Она знала, кто это.

— «Ты роковое виденье, ты доступен осязанию, как зрению», — прошептал ей на ухо знакомый мягкий голос. Запах кедра и чего-то сладкого окутал её.

— Вы цитируете Шекспира, доктор Райхерт?

— Только в особых случаях.

Она повернулась. Владлен Райхерт — клинический психолог, консультант Следственного комитета — сидел в соседнем кресле. Очки в тонкой оправе, серое пальто, аккуратная борода с проседью. На губах — та самая мягкая, почти нежная улыбка.

— Вы не прячетесь, — сказала она.

— Я никогда не прятался, Эва. Я ждал.

— Чего?

— Когда вы будете готовы.

Макбет на сцене заносил кинжал над спящим королём. Эва смотрела на Влада, и внутри неё что-то сжималось. Не страх. Предвкушение.

— После спектакля, — сказал он. — Кофейня «Тени». Вы знаете, где это. Я буду ждать.

— Я приду.

— Я знаю.

Он встал и ушёл так же бесшумно, как появился. Она не обернулась. Смотрела на сцену до конца спектакля, но не видела ничего — перед глазами стояло его лицо.

После финальных аплодисментов она достала телефон.

— Виктор, я в порядке.

— Он там был?

— Да.

— Кто?!

— Скажу позже. Сейчас мне нужно выпить кофе.

Она отключилась, прежде чем он успел закричать.

ЧАСТЬ II. ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ

Глава 6. Кофейня «Тени»

Она пришла раньше него.

Кофейня «Тени» — полуподвальное заведение на Чистых прудах, тёмное дерево, приглушённый свет, запах кофе и книг. Эва выбрала столик лицом к двери и заказала чёрный кофе. Без сахара.

— Вы предусмотрительны, — раздался голос за спиной. — Но я всё равно вошёл через служебный вход.

Она не обернулась. Он сел напротив. Официант принёс вторую чашку — чёрный кофе без сахара. И ещё — горячее молоко.

— Ты пьёшь слишком много кофе, — сказал Влад, подвигая к ней молоко. — Это разрушает нервную систему. А она тебе ещё пригодится.

— Вы заботитесь обо мне?

— Я забочусь о тебе с первой минуты, как увидел твой отчёт.

Эва подняла глаза. Он смотрел на неё без страха, без вызова. С нежностью.

— Вы убили пятерых, — сказала она ровно.

— Шестерых. Первую ты не считаешь — списала на бытовуху. Я тогда был неопытен. Она совсем не была похожа на тебя.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что ты не позовёшь полицию, — он подался вперёд. — Ты сядешь, выпьешь кофе и выслушаешь меня. Потому что я — единственный человек в мире, который видит тебя настоящей. Не ведьму. Не ледяную деву. А женщину, которая носит внутри ту же бездну, что и я.

— Вы ошибаетесь. Я не убиваю.

— Правда? — он взял её за руку. Эва не отдёрнула. — А что ты делаешь с собой каждый день? Ты существуешь, Эва. Ты не живёшь. Ты заперла себя в клетку из кофеина и работы. И это — медленное самоубийство. Ты убиваешь себя. Так же, как твоя мать.

— Не смейте говорить о моей матери.

— Почему? Ты ведь нашла её. Такую же «спящую». На боку, руки под щекой. И ничего не почувствовала. Потому что ты уже тогда была хищником.

Эва вырвала руку. Но не ушла.

— Чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы ты увидела себя, — он снял очки и протёр их платком. — Все эти женщины — они были лишь эскизами. Я искал тебя. Твои скулы, твои глаза, твой изгиб губ. Я примерял твой образ. Как художник перед главной картиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.